

А.А. Виллинович

ОСТАП БЕНДЕР – АГЕНТ ГПУ

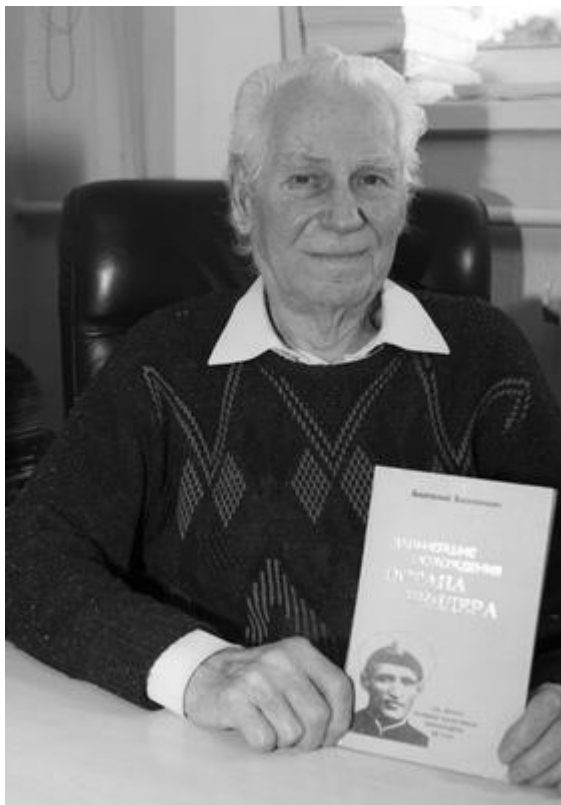
Этот молочник не изделие знаменитого царского ювелира Фаберже - это подделка. А вот Его Величество Великий случай - это алмазный миллион! И не один!

Предлагаемый роман является продолжением предыдущих романов: «Дальнейшие похождения Остапа Бендера», «Остап Бендер в Крыму», «Остап Бендер и Воронцовский дворец».

После потери не найденных сокровищ графини Остап Бендер со своими верными друзьями Шурой Балагановым и Адамом Козлевичем возвращается в Киев, продолжать свою предпринимательскую деятельность в поисках заветных миллионов.

Анатолий Вилинович Остап Бендер — агент ГПУ

Об авторе

Вилинович Анатолий Алиманович — автор с пятидесятилетним литературным творческим стажем, член Международной ассоциации писателей, кинодраматург, режиссер, журналист-международник, автор о строительстве нефтепровода «Дружба», удостоен премии радиостанции «Немецкая волна».

В творческом активе писателя — более двадцати литературно-художественных-документальных произведений: «Золото Керчи», «Запах золота», «Блеск и туман разведки», «Иммлер и Борман», «В поисках перемирия», «Бриллианты», «Фальшивомонетки», «Антология шпионажа».

Широкую известность получили романы: «Дальнейшие похождения Остапа Бендера», «Остап Бендер в Крыму», «Остап Бендер и Воронцовский дворец». А книга «Остап Бендер — агент ГПУ», которая выходит в свет, тоже становится популярной, судя по многим заявкам читателей.

Много очерков и рассказов напечатаны в газетах и журналах.

Издано несколько театральных и радиопьес. Написано несколько киносценариев для художественных и документальных фильмов.

Посвящается моей матери Пожаровой
З.А., заслуженной участнице Великой
Отечественной Войны 1941-1945 гг.

Предисловие

Книга Остап Бендер — агент ГПУ продолжает повествовать о дальнейших похождениях Остапа Бендера, замечательного литературного героя из произведений великих писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Краткое содержание предыдущей книги «Остап Бендер и Воронцовский дворец».

Остап Бендер и его компаньоны Шура Балаганов и Адам Козлевич, как уже повествовалось в книге «Остап Бендер в Крыму» отправились в Крым за графским золотом. Знакомятся с дворецким, слугами и горничными графини Воронцовой-Дашковой. От них узнают много полезного для их поиска сокровищ графини. Но этих данных недостаточно, чтобы узнать место тайника, где спрятала графиня свои сокровища перед отъездом из Крыма.

Бендер узнает, что перед ее отъездом во дворце вдруг затеян ремонт дворца и фотографируются планы подвальной части дворца. Для чего это перед отъездом графини ремонт и фотографирование?

Остап со своими единомышленниками ночью проникает во дворец и в подвалах они ищут следы свежего ремонта, где мог быть тайник сокровищ.

Но не находят. Бендер и его друзья пускаются на поиски фотографа, на снимках которого должны быть пометки нахождения тайника, как предполагал великий искатель миллионов.

С рядом приключений, которые ввели искателей сокровищ на край их гибели они знакомятся с начальником Крымского ГПУ, сообщив ему о тайной агентке бандитов, служившей в Севастопольском уголовном розыске. Бендер входит в доверие к властям, получает благодарность и помощь от них.

После долгих комических и остросюжетных приключений герои предыдущей книги находят негативы снимков подвала дворца с указанием, в виде стрелок, место замурованного клада сокровищ графини.

Подготовив все необходимое для решающего ночного проникновения во дворец, Бендер и его неразлучные друзья Балаганов и Козлевич решили прогуляться по городу.

Далее: уважаемые читатели предлагаю вашему вниманию заключительные страницы предыдущей книги с некоторым сокращением текста.

Компаньоны остановились перед афишей, на которой скупо и некрасиво было написано:

«Сегодня в клубе санатория «Солнечный /бывш. № 25/27/ состоится встреча с комендантом

пограничного района Большой Ялты. Начало в 17 часов. Вход свободный».

— Ну, comrades, на этой встрече нам следует побывать, — сказал Остап.

— Да, любопытно, — кивнул Адам Козлевич.

— А мне лучше попляжиться, море такое теплое, командор, — взглянул на Бендера Балаганов. — Мы же не думаем тайком переходить, переплывать морскую границу, Адам Казимирович, командор?

— Конечно же, нет, Балаганов. Просто любопытно послушать, что этот комендант скажет. Надо быть в курсе всего, друзья. Особенно пограничных дел, как мне пришлось убедиться. Их надо знать и почитать также как, и уголовный кодекс, — произнес Бендер.

Около назначенного времени встречи, искатели графских сокровищ вошли в клуб и заняли места поближе к сцене. Но Остап передумал, и пересел со своими единомышленниками в дальний угол, у открытого окна.

— Нечего нам выпячиваться со своим интересом к этой встрече, детушки, — пояснил он.

Было уже время начинать встречу и в сопровождении главного врача и культмассовика в зал вошел в пограничной униформе с четырьмя кубиками в петлицах вошел Железнов.

— Смотрите, командор, наш севастопольский

знакомый, — прошептал Балаганов, приснув почему-то смешком.

— Вижу, Шура, вижу... — ответил тихо Бендер.

— Да, это он, Остап Ибрагимович, — шепотом подтвердил Козлевич, но не так весело, а посолиднее.

— Вижу, вижу, детушки, — ответил снова шепотом Остап. Он сидел между своих друзей и внимательно смотрел на вошедших на сцену, и усевшихся за стол под красным кумачом.

Главврач встал и объявил:

— Товарищи, сегодня у нас в гостях комендант пограничного района Большой Ялты, к которой, как известно, относится и наша Алупка. Нам будет очень интересно послушать товарища Железнова о трудной, но героической службе пограничников, зорко охраняющих морские рубежи нашей Родины. Попросим, товарищи...

Раздались дружные аплодисменты, а когда они приумолкли, главврач сказал:

— Прошу вас, Петр Иванович.

Железнов встал, снял фуражку и положил на стол, пригладил рукой волосы, подошел к фанерной трибуне и начал говорить. Рассказывал он о пограничной службе, о молодом пополнении, о трудностях, об отличившихся бойцах погранзастав.

— Но наша служба, товарищ, — перешел он

затем к другому, заключается не только в охране государственной границы, от нарушителей с нашей и с той стороны, от контрабандистов, но также и несения таможенной службы. Известно, что все больше и больше к советским берегам приходят иностранные суда с грузами. А от нас они тоже увозят грузы по торговым контрактам с нашим государством. Много уже и наших судов, которые выходят из наших портов за границу. Вот в портах, в частности, в Ялте наши пограничники также несут зоркую службу досмотра и законности приплывающих и отплывающих судов, как наших, так и заграничных... — сказав все это, Железнов вытер платком лицо, и невольно начал потирать кисти рук.

— У вас фантомные боли? — спросил сидящий мужчина в первом ряду.

— Да, это наследие царского режима, — снова потер кисти рук выступающий.

— Да, товарищи, это так называемые фантомные боли, как медицина определяет, — встал главврач с пояснением. — Даже когда руки или ноги нет, а поврежденное место болит...

— Да, руки и ноги у меня целы, но мне пришлось побывать долгое время на каторге... — обвел сидящих взором Железнов. — Это от кандалов...

— В зале пронесся шум возгласов сочувствия.

— Скажите, а шпионов вам много приходится ловить? — спросила тонким голосом девушка с красными бантами в косичках.

— Знаете, я не отношусь к людям, преувеличивающим свои заслуги. Если контрабандистов считают теми же шпионами, то да, многих задерживать приходится. Что же касается прямых диверсантов и шпионов, то поскольку на этой службе я не так давно, то за мою бытность нам еще не приходилось таковых задерживать. Контрабандистов да, и не мало.

— И что же находили у контрабандистов? — слышались вопросы с разных концов зала, когда Железнов сделал паузу в своем рассказе.

— Нашли и не мало, товарищи. В тюках шерсти переправляли за границу золото в слитках. Этим преступлением занималась ювелирная артель. Она скупала золотой и серебряный лом у населения Крыма, переплавляла его в слитки.

— Представляете, детушки!.. — сказал Остап своим компаньонам. — Вот работа! А? Слитки! — восхитился он узанным. — На знакомой нам «Тринакрик»...

— А откуда же они шерсть брали, товарищ комендант? — спросил кто-то.

— Была организована скупка у частных лиц и у госхозов. Сортировали, сшили и упаковывали. А при отправке был обычный таможенный досмотр:

количество тюков, упаковка и все... — ответил выступающий. — Вот и использовали этот путь контрабандисты.

— И все же, товарищ комендант, ведь не только контрабандистов приходилось задерживать, не только шпионов, а таких, которые нелегально хотели уплыть за границу? — встал и спросил один из отдыхающих в очках.

— Да, расскажите, пожалуйста, какой-нибудь случай задержания нарушителя границы, попросил басистым голосом и мужчина.

— Можно. Вот из жизни местного населения... Один молодой человек вышел на баркасе под парусом на рыбалку. Задул береговик Баркас и понесло в нейтральные воды. Он был замечен пограничниками. Послали сторожевой катер. Но разразилась гроза, стало темно. И поиски не дали результатов. А на следующий день этот баркас обнаружил пограничный гидроплан. Рыбак-неудачник был уже наполовину пути в Турцию. Гидроплан приводнился возле парусника и путешественник со слезами на глазах просил взять его домой. Подошел сторожевик и отбуксировал баркас к нашему берегу.

— А скажите, служебные собаки у пограничников есть? — спросил парень, встав со своего места.

— Конечно, есть, товарищи, — улыбнулся

Железнов. — И лошади есть для объездов погранрайона и постов. Ведь не везде можно воспользоваться автомобилем. У меня настоятельная просьба, товарищи. Наблюдается, что местные жители и отдыхающие часто купаются в море по ночам. Это нарушение правил погранзоны. Вы осложняете службу пограничников. Прошу этого не делать во избежание недоразумений. Обращаюсь также к руководству санаториев, чтобы предупреждали отдыхающих.

— Скажите, а куда вы деваете ценности, конфискованные у контрабандистов? — слышался вопрос.

— Как куда? Сдаем в государственный банк, как и положено.

— Но ценности не только изъяты у контрабандистов, — хитро улыбнулся Железнов, — раз уж вы задали такой вопрос. Вот буквально на днях нами проведена операция по отысканию и обнаружению в одном дворце.

Услышав эти слова, не только Бендер, но и его компаньоны потянулись со своих мест, чтобы лучше слышать.

— Расскажите, расскажите, пожалуйста? — посыпались просьбы слушателей со всех мест зала.

Среди таких голосов можно было, хотя и с трудом, отличить и слово великого искателя.

— Ну, что же, раз уж так просите... — улыбнулся Железнов. — Расскажу... — и посмотрел на главврача. Тот взглянул на часы и кивнул ему со словами:

— Время до ужина отдыхающих еще есть, Петр Иванович.

— Ночной сторож дворца, о котором пойдет речь, — начал говорить комендант погранзоны, — поздним вечером неожиданно услышал жалобное и настойчивое мяуканье кота. Сторож удивился, что кот просился из самого дворца. Двери были закрыты, и охранник ничем ему не мог помочь, выпустить его оттуда.

Просительное мяуканье кота продолжалось и сторож, обходя дворец, присматривая все ли в порядке, подходил к двери, откуда доносилось мяуканье, покачивал головой и разводил руками.

И так повторяя не раз. Но вот в один такой приход к мяукающей двери, сторож вдруг отчетливо услышал какой-то стук. Будто где-то внизу здания кто-то что-то долбил. А когда приложил ухо к двери, то отчетливо услышал удары молота по зубилу, вгоняющему в стену.

— Померещилось... — прошептал он, — а тут еще и котяра...

Отошел, а когда снова был у этого места, и прислушался, то удары кувалды по металлу услышал явственно.

— Утром доложу директору, — решил он.

Сдавая смену, сторож поделился с директором дворца — музея своими ночными наблюдениями. И тот немедленно с хранителем музея и другим сотрудником начали производить тщательное обследование близ лежавших помещений, откуда мог доноситься такой долбежный стук.

После тщательного обследования близких мест, директор и его сотрудники перешли в подвал. И, каково же их было удивление, когда увидели следы части выбитого диабаз в восточной стене. Было понятно, что кто-то прорубил лаз в подполье.

— Ну и чудеса, ну и чудеса, — только и мог промолвить директор. — Нет, нет, здесь что-то не так, товарищи, — сказал он.

Вызвали милицию и расширили вскрытие этой части стены вглубь. И когда это сделали, пролезли в подполье. Вот там, товарищи, там все это и было нами найдено, — заключил часть своего рассказа Железнов.

— И что? Не удалось установить, кто пытался добраться к ценностям? — спросил голос.

— Нет, к сожалению, нам не удалось задержать похитителей... Тех, кто сделал провал в стене-подполье и унести часть драгоценностей из тайника. Несмотря на то, что решили оставить на какое-то время все, как есть и устроить засаду. Но похитители, так и не пришли за оставшимися

ценностями.

— Они узнали о засаде? — спросил кто-то.

— Возможно, товарищи. Но, наблюдая за дворцом несколько дней, я получил приказ изъять все драгоценности из тайника. На этом можно сказать, это дело и закончилось.

— А какие ценности вами были забраны из тайника? — спросил мужчина, держа в руках блокнот и карандаш, готовый записать.

— Да, какие ценности уехавших были найдены? — встала с вопросом и полная женщина в косынке.

— В подполье, размером три на четыре метра, из разных углов мест его были извлечены золотые, хрустальные кубки, серебро в изделиях, видных итальянских и французских ювелиров прошлого века. Блеск и красоту их не смогли скрыть ни полумрак, ни пыль. Было найдено много столового серебра, золотые каминные часы, золотые сосуды и несесеры, массивный золотой крест с цепью. Старинные канделябры, подсвечники, вазы, кувшины. Все это источало такой яркий свет, когда вынесли оттуда и удалили пыль, что смотреть было больно.

— Слышите, голуби, что нашли? — прошептал восхищенно Бендер. — Вот такое графское и нас ожидает, детушки...

— Если бы, командор... — тряхнул кудрями

Балаганов.

А Железнов говорил:

— Кстати, в моих записях, которые я набросал, готовясь ко встрече с вами, товарищи... Все найденное — уникальное произведение искусства. Среди них декоративные блюда русских и иностранных фарфоровых заводов, сервизы, и отдельные изделия фабрик Гарднера и Попова, саксонский, венский фарфор. Интерес представляют скульптуры малых форм с красочной цветовой гаммой живописи по фарфору. Сервиз с кувшинчиками и чашками в виде раковин, вазы, кувшины, стаканы, кружки, ложечки, солонки, подстаканники, затейливые кофейники... Специалисты отметили, что 727 предметов, найденных в тайнике, имеют большую художественную и историческую ценность, — сложил бумагу докладчик.

— Какой же вес всего найденного? — пробасил кто-то.

— Около ста пятидесяти килограммов, товарищи.

— Так скажите, в каком же дворце все это было найдено? — снова пробасил голос. — Ведь дело уже закончено, как вы сказали?

Железнов помолчал какое-то время и ответил:

— В Воронцовском, товарищи.

Эти слова обухом ударили Бендера и его

компаньонов. Вытянув шею и привстав, все трое округленными глазами уставились на Железнова. А он пояснил:

— Эти ценности, спрятала графиня Воронцова-Дашкова, покидая Крым.

Часть первая

После потери ненайденных сокровищ графини

Глава I

Неожиданная и многообещающая встреча

Компаньоны вышли из клуба в удрученном настроении и в трагическом молчании спустились в нижний парк дворцового комплекса. Медленно прошли по Пальмовой аллее сели на свободную скамью, пребывая в мрачном тягостном состоянии, искатели-неудачники графских сокровищ продолжали молчать. В ушах каждого, эхом отзывались слова Железнова: «Эти ценности спрятала графиня Воронцова-Дашкова. Наконец Бендер печально заговорил:

— Сейчас я чувствую себя обворованным, как в злополучную мартовскую ночь на румынской границе, — вздохнул тяжело.

— А у меня состояние души, Остап Ибрагимович, такое, как при расставании с автомобилями «изоттой-фраскини» и «Майбахом», когда нас ограбила банда Барсукова, — горестно промолвил Козлевич.

— И у меня, как тогда в Москве, командор, когда я машинально чуть было, не загремел снова в допру... — вздохнул тяжело Балаганов. И добавил: — Или когда под Севастополем бандит сорвал с меня пояс с деньгами, — добавил он.

— Вот видите, Шура, а вы не верили в существование клада графини, — тихо пожурил его Остап.

— Нет, почему, командор... — пожал плечами Балаганов. — Сомневался... Но какая теперь разница, верил не верил, сомневался не сомневался, когда ценности забрали гэпэушники. Ведь так, Адам Казимирович? — посмотрел он на Козлевича, ищи поддержки. — Если по справедливости...

— Да, Шура, клад существовал... Значит, значит наши действия были правильными, но нас опередили власти... И что смешно, а для нас трагедийно, совершенно случайно, — ответил автомеханик, не погладив, как обычно, свои кондукторские усы.

— Если по справедливости, командор, то да, но почему нас неудачи преследуют? И те мешки с

деньгами... Что теперь господин технический директор?

Услышав это непривычное к нему обращение, великий предприниматель-искатель миллионов удивленно взглянул на Балаганова и с тяжелым вздохом ответил:

— Я думаю, камрады, думаю...,- протянул слова в ответ Бендер.

— Мне кажется, хватит нам этих поисков, этого замечательного курорта, давайте вернемся в наш дом в Мариуполе и поживем спокойно. Тем более что уже осень, а там зима... — пригладил на этот раз свои кондукторские усы Козлевич.

— Послушайте, Адам Казимирович, вы как-то говорили, что хотели бы открыть свое таксомоторное предприятие, — посмотрел на непревзойденного автомеханика Остап.

— Говорил, Остап Ибрагимович, разумеется, неплохо было бы, — кивнул головой Козлевич.

— Так может, давайте и откроем? Вот только я думаю, где? Здесь, в Крыму? Так лучше было бы, открывать таксопарк в курортный сезон. В Мариуполе? — продолжал медленно рассуждать вслух Бендер. — Город небольшой, по сравнению с другими городами, приезжих в осенне-зимнее время будет немного, да и весной. А вот если открыть таксомоторный парк в большом городе...

— Эх, в Киеве!.. — воскликнул Балаганов.

— Да, неплохо было бы, — ответил Остап. — Но нам там нежелательно показываться после нашего развенчанного «ДОЛАРХа», камрад Балаганов, к сожалению, — ковырнул носком туфли гравий он. И задумался.

Так они сидели, обсуждая варианты своей дальнейшей деятельности, благодаря которой они хотели получить миллион.

Был вечер, но было еще светло. Сквозь пальмы и кроны платанов, на поляне за аллеей, просматривалась даль моря с ясным горизонтом. Головки цветов, растущих между волосистых стволов пальм, покачивались от легкого бриза. Трое единомышленников некоторое время молчали, затем Остап сказал:

— Да, если бы наш ДОЛАРХ не засветили энкаведисты, то в Киеве... — и вдруг запнулся, посмотрев в конец аллеи.

Посмотрели туда и его компаньоны и, увидев людей приближающихся к ним, даже привстали.

То, что Бендер увидел, его подбросило, как пружинной. Он готов был взлететь, как дичь, почуяв опасность, вскочить, убежать, как олень от охотников, но было уже поздно, и он остался сидеть между своих единомышленников. Сидел и не отводил взгляда от приближающихся к ним, начальника Крымского ГПУ Ярового и довольно плечистого мужчины. А между ними он отчетливо

увидел хорошо знакомую ему энкаведистку Клару. Она смеялась, слушая каламбур идущих с ней мужчин.

Здесь следует сказать несколько пояснительных слов...

Было время, когда власти всегда и во всем видели заговоры. Если власть была у белых, они видели заговоры красных. Если власть была у красных, то они видели заговоры белых, так называемых контрреволюционеров. И те, и другие власти мешались на заговорах. Они видели их там, где их и не было вовсе. Были ли заговоры и тех и других, не было заговоров ни красных, ни белых, но при таком уже привычном положении в период гражданской войны и после нее, много виновных и невиновных людей арестовывалось. Их допрашивали, избивали, пытали и расстреливали. Красные, — как врагов революции, Советской власти, белые, — как людей продавшихся большевикам, как изменников царю и отечеству. И если белые много расстреливали таких, то красные по лозунгу Ленина: «В ответ на белый террор — ответим нашим, красным террором!», расстреливали без должного суда и следствия тысячи и не так врагов народа, как просто подозреваемых и неудобных этим самым большевикам. Для этого была создана

Чрезвычайная комиссия во главе с Дзержинским. После него эту комиссию — сокращенная аббревиатура — ЧК, возглавил его заместитель Менжинский, имея в заместителях старательного Генриха Ягоду. В те годы на следственный аппарат НКВД выпали чудовищные нагрузки. Следователи неделями и месяцами не выходили из своих кабинетов, валились с ног, засыпали за рабочими столами, забывали о семье, о близких. И великий вождь, отец, друг, учитель всех народов-правитель совдепии через своего наркома НКВД облегчал тяжкую участь сотрудников многомиллионного аппарата НКВД с отделом ГПУ. Им увеличили получки втрое, строили и устраивали квартиры, открыли для чекистов полторы сотни новых санаториев и курортов в дополнение к существующим. Все черноморские берега переключили на оздоровление осведомительно-следственного аппарата НКВД.

Вот такими представителями чекистской элиты и являлись те трое: Яровой, Клара и рядом с ней еще один плечистый из такой же конторы. Они прогуливались по Пальмовой аллее после царского ужина в санатории «10-лет Октября», размещенном в большей половине корпусов Воронцовского дворцового комплекса.

— Спокойно, камрады, — прошептал Бендер, опустив голову, будто разглядывал носки своих

башмаков.

— А-а, севастопольские знакомые? — раздался голос Ярового, поравнявшись с сидящими.

Остап поднял голову, натянуто улыбнулся и, привстав, промолвил:

— Здравствуйте, Павел Антонович, здравствуйте...

— А меня, что же не узнаете, Остап Ибрагимович? — повела игриво глазами Клара.

Плечистый вопросительно взглянул на Клару, затем на Ярового, который сказал:

— Знакомьтесь, товарищи, Я вам потом расскажу, Семен Гаврилович, какая любопытная история произошла в Севастополе, она и познакомила нас. Но это потом. А сейчас, Остап Ибрагимович, разрешите вам представить... Да, ваши земляки из Киева, начальник тамошнего ГПУ Шавров Семен Григорьевич и сотрудница оттуда же Клара Шаврова.

— Бендер Остап Ибрагимович, председатель Киевского добровольного общества любителей археологии, — склонил чуть голову он. И с наигранной веселостью в голосе сказал, обращаясь к молодой женщине: — А-а, вот почему вы отвергали все мои ухаживания и провожания, когда мы с вами долбили камень науки в библиотеке ВУАКа.

Клара взглянула на своего мужа, как это

определили Бендер, услышав ее фамилию, и, продолжая смеяться, сказала:

— Ну, это все еще было до того, Остап Ибрагимович.

— Понимаю, понимаю, — закивал головой Бендер.

Балаганову и Козлевичу ничего другого не оставалось, как стоять по обе стороны своего председателя и посматривать на Клару и ее провожатых.

Затем Бендер сказал:

— А это сотрудники-археологи нашего общества, — указал он на своих друзей.

Балаганов стройно встал и по-джентельменски назваля:

— Балаганов, Александр.

— Адам Козлевич, — последовал его примеру непревзойденный автомеханик.

— Очень приятно, товарищи, — кивнул плечистый гэдэушник из Киева.

— Ну, прекрасно, я вам потом расскажу, как все было, — пояснил Яровой.

— Вы, наверное, отдыхаете в санатории «Десять лет Октября»? В Воронцовском дворце? — спросил как уже хорошо знакомых Остап.

— Да вот, представилась такая возможность, — улыбнулся ему Яровой.

— О, прекрасный санаторий должно быть, —

восторженно произнес великий предприниматель. И видя проницательный взгляд киевского начальника, Остап сказал: — Ну, мы с вами еще встретимся, Павел Антонович, — и, выдавив на лице улыбку, загадочно сказал: — Может еще, чем поможем.

— Да, Остап Ибрагимович, мир тесен, — улыбнулся тот. Но увидев проницательные взгляды своих киевских коллег, спросил: — Что так, Семен Гаврилович? Клара?

— Да, я получил письмо, что ни с того ни с сего нашей конторой начала интересоваться милиция. И я бы хотел уточнить, с чего бы это? Семен Гаврилович?

Клара отступила, взглянула на своего кавалера и отвела глаза в сторону, А тот сказал:

— Ну, поскольку это касается не моей службы, то ничего определенного я сейчас сказать не могу... товарищ Бендер.

— Но, Семен Гаврилович, если какие-либо шероховатости, я дам рекомендацию и отпишу, как эти молодцы помогли нам раскрыть бандитку, пробравшуюся на службу к нам, то вы сразу же измените свое к ним отношение, — неожиданно выступил в роли защитника Яровой.

— Ах, вот вы какой, — прищурила глаза энкаведистка. — Выходит, я была не права, имея о вас другое мнение?

— Разумеется, товарищ Клара, — улыбнулся ей Бендер. — Знаете, у Марка Твена есть известное изречение. Так я могу его перефразировать: «Слухи о моей незаконной деятельности сильно преувеличены».

Клара рассмеялась, и ее скупое поддержал киевский гэпэушник и более весело Яровой. Шавров сказал:

— Что ж, посмотрим, посмотрим. Послушаю своего коллегу о вашем подвиге, товарищи, — без улыбки произнес тот. — Но если Петр Николаевич так говорит, то я разберусь, чем это интерес милиции к вашей конторе вызван.

— Вот-вот, именно, подхватил председатель ДОЛАРХа, ни с того, ни с сего к нам археологам, преданным Советской власти, в чем убедился вот товарищ Яровой, он может подтвердить имеющиеся у него факты.

— Разберемся, разберемся, товарищи. Кстати, вы здесь отдыхаете? — спросил Шавров.

— Не до отдыха, Семен Гаврилович. Летняя пора — страдная пора для археологов. Отыскиваем места древних тавров, проживающих здесь когда-то, — без запинки выпалил Бендер.

— Любопытно, интересно, товарищи. Что ж, до встречи в Киеве, Остап Ибрагимович. Как приедете, сразу же прошу ко мне, — взял под руку Клару Шавров. — До свидания, товарищи

археологи.

Яровой тоже собрался идти, но сказал:

— Да, Остап Ибрагимович, если у вас возникнут какие-либо проблемы, прошу ко мне. Отпуск мой заканчивается. Знаете где меня найти в Симферополе. До свидания, товарищи.

— До свидания! — раздалось дружное, в три голоса представителям органов.

Шавров собрался уже идти, но помедлили и сказал:

— Товарищ Бендер, вернетесь в Киев, загляните ко мне, возможно у моей службы найдется для вас поручение, — взглянул он на Клару.

— Благодарю вас, товарищ Шавров. Обязательно, как вернусь, непременно прийду к вам на прием.

— До свидания! — еще раз громко произнесли компаньоны в три голоса.

И слыша это, можно было с уверенностью сказать, что они с большим удовольствием прокричали бы «прощайте».

Как только гэпэушники удалились, Балаганов прерывающимся от волнения голосом спросил:

— Командор, вы действительно думаете вернуться в Киев и пойти к гэпэушникам?

За все время встречи с нежелательными представителями органов он был в невероятном

напряжении. И при словах «ГПУ», «милиция» невольно вздрагивал и втягивал голову в свои молодецкие плечи.

— Ох, детушки, — начал закуривать Бендер папиросу из пачки «Южные», что свидетельствовало о его недавнем пережитом состоянии. — Я побываю у Симферопольского гэдэушника и посмотрю, какую он выдаст мне индульгенцию.

Он тоже, как и его молодой компаньон чувствовал себя во время встречи с неожиданными охранителями власти настолько неуютно, что даже ни разу не прикоснулся к своим заветным усам.

— Ну, давайте логично рассуждать, камрады, в чем заключается наше преступление? Подозрение, узнавание, что имели дело с иностранцами? Затем, дело дошло до обыска. Ничего не нашли, с поличным нас не взяли. Так чего же нам, собственно говоря, бояться? — рассуждал вслух Бендер. — Ни под какую уголовную статью они подвести нас не смогут. Все то, что мы приобрели, надо перебрать и устроить в конторе музейную витрину. Но это, детушки, тихо, тихо, — замахал рукой Остап, видя как его компаньоны, беспокойно заерзали на скамье. — Это мы еще обсудим, это мы еще решим. Не сейчас, голуби вы мои. Видите, как интересно иметь хорошие отношения с органами, которые иногда перерастают в органы

покровительствующие нам.

Некоторое время искатели графских сокровищ молчали. Смотрели сквозь пальмы и кроны платанов на близкое море внизу, на проплывающий вдали белый пароход с хвостом сизого дыма и думали по-разному, но примерно об одном и том же.

Бендер встал, прошел к урне и бросил туда окурок. Вернулся и с усмешкой на лице сказал:

— От самой румынской границы никак не могу избавиться от внимания к моей особе стражей Советской власти. Так может дойти до того, что мне предложат в органах и службу, — рассмеялся Бендер.

— Ох, командор, лучше уж это, чем работа на Беломорканале или в тайге, — двинул плечами рыжеволосый друг.

— И все же, Остап Ибрагимович, какие наши ближайшие действия чтобы...

— Чтобы приступить к осуществлению нашей новой идеи, хотите сказать, товарищ Козлевич? — за все время знакомства и дружбы Остап так впервые назвал вдруг очень уважаемого им скромного Адама Казимировича.

— Вот именно, товарищ председатель, — тернул обеими руками по своим усам тот.

Остап встал и спросил глядя то на одного, то на другого концессионера:

— Помните, мои страдальцы — искатели, ту типографию Госиздата, когда мы искали знаменитого фотографа Глеба Мацкина?

— Помним, — скучно промолвил Козлевич. Немного помедлив, ответил и Балаганов.

— Когда вы, командор, бухгалтера приняли за Корейко.

— Да, очень похож тот на Корейко и тоже Александр Иванович.

— И что из этого, Остап Ибрагимович? — спросил Козлевич.

— А вот сто, детушки-неудачники. Этот самый Корейко...

— Который принес миллион на тарелочке с голубой каемочкой?

— Вот именно, Шура. Так вот, этот миллион из других пачек миллионов он заработал, знаете как?

Единомышленники Остапа молча уставились на своего предводителя. Тот загадочно промолчал и провозгласил:

— Да выпуском открыток!

— Открыток?! — удивился Балаганов.

— Этой мелочью? — кашлянул Козлевич.

— Он наводнил ими всю Среднюю Азию, эсэсэр, камрады непонятливые вы мои. Страна строит социализм, индустриализацию, электрификацию эсэсэр, вот он и начал выпускать

открытки с видами этого строительства! Это приветствовалось властями Советов, друзья мои искатели.

— Копеечное дело, Остап Ибрагимович, — двинул плечами Адам.

— Для нашей лотереи мы же их покупали, командор, — напомнил Балаганов.

— Нет, детушки, это будут уже не те открытки Корейко, а открытки с видами Крыма, а не индустриализации.

— Опять-таки, если по справедливости, командор, если их уже выпускает государство, так зачем нам тогда?

— Вот вы всегда, Шура, так...

— А я тоже так, Остап Ибрагимович, — глядя на него, кивнул Адам.

— Поясню, камрады, мы будем выпускать открытки такие, какие не выпускает Госиздат. Археологические по Херсонесу и по другим знаменитым раскопкам, пейзажи, дворцы и другие достопримечательности Крыма и других знаменитых мест страны и других частей мира, но это уже потом. Будем выпускать красочные поздравительные, свадебные, с портретами вождей, знаменитых киноартистов, кадров из кинофильмов, — заходил у скамьи великий предприниматель. — Что скажете, детушки? — остановился он перед ними.

— Таксомоторный парк лучше, Остап Ибрагимович, — протянул Адам.

— А по мне так лучше вернуться в наш дом в Мариуполе и заняться делом, командор, — встал и сел Балаганов.

— Делом? Это, каким же, Шура?

— Рыбным промыслом, поиском нового, чего другого, командор.

— А может вернуться в Киев все же, Остап Ибрагимович, и открыть свой таксомотор? — погладил свои усы Козлевич.

— Рыбный промысел и таксомотор никогда от нас не уйдут, друзья. Вначале попробуем все же открыточное дело, — опустился на скамью рядом со своими компаньонами Бендер.

Некоторое время тройка искателей-предпринимателей молчала. Затем Остап встал и решительно:

— Все. Поехали к нашим гэпэушникам благодетелям.

По пути Остап развил так красочно свою идею, что после красноречия своего председателя его друзья-компаньоны превратились из несговорчивых слушателей в соглашаемые и стали даже добавлять предложения-советы. И когда Бендер двинулся по аллее, то Козлевич с одной, а Балаганов с другой стороны, прижимаясь к великому комбинатору, заглядывали в его лицо и

одобрительно поддакивали.

Глава II

Первая помощь ОГПУ великому предпринимателю

Оставив автомобиль со своими друзьями за два квартала до Управления НКВД Крыма, Бендер вошел под своды этого очень им не почитаемого учреждения. Войдя в просторный вестибюль, он не успел еще осмотреться, как перед ним возник военный с тремя красными треугольничками в малиновых петлицах и строго спросил:

— Вам к кому, товарищ? — перегородил он путь Остапу.

— Я к товарищу Яровому, к начальнику ОГПУ, — не совсем чувствуя себя уверенным, ответил Бендер. — Вот мои документы... — подал он дежурному в звании помкомзвода внутренних войск НКВД. — Позвоните ему, товарищ.

Охранник посмотрел документы, вернул их Остапу, зашел за остекленную перегородку и закрутил ручку внутреннего телефона. Что он говорил в трубку, Бендер не слышал, но догадывался, что тот уточняет, что сказать посетителю. И это подтвердилось, когда дежурный вышел и сказал:

— Товарищ Бендер, комиссар Яровой

проводит сейчас совещание, вам придется подождать. Пройдите в бюро пропусков, вас вызовут, когда он освободится.

— Благодарю, товарищ...

— Как выйдете, сразу же дверь слева, бюро пропусков управления.

— Спасибо, товарищ, — кивнул он дежурному и вышел.

В просторном помещении бюро пропусков на скамьях вдоль стен сидели в ожидании посетители. Бендер присел на край скамьи и огляделся. Прямо от двери в стене было небольшое оконце, казалось, наглухо заколоченное массивным щитком, но вот этот щиток отодвинулся и из окошка послышался чеканный голос:

— Абибулаев, — человек средних лет, очевидно, татарской национальности, вскочил и засеменил к отверстию. Получив листок пропуска и свои документы, он вышел поспешно из комнаты, и так посетители вызывались поочередно к окошечку, получали заказанные им пропуска и выходили, чтобы сразу же войти в соседние двери уже ведущие к тому, кто их вызывал по повестке или же к тому, к кому они напрашивались по своим делам. Дела тайным, чтобы донести на кого-то, или выпросить разрешение на что-то.

Шло время, Остап терпеливо ждал вызова своей фамилии. А окошечко периодически

открывалось, произносилась оттуда фамилия, и названный посетитель спешил, а некоторые и бежали к нему со своими документами. Люди с пропусками выходили, а другие за пропусками заходили, но Остапа все не вызывали. И он уже заколебался в своем решении идти или не идти к своему севастопольскому знакомому. Даже привстал, чтобы выскользнуть из этого гэпэушного пропускника. И когда, все еще колеблясь, собрался сделать шаг к выходу, из амбразуры пропусков назвали его фамилию. Остап почему-то вздрогнул, он быстро подошел и подал свои документы. Дверка окошечка задвинулась, но Бендер не вернулся к своему месту, а ждал уже у окошка стоя.

Посетители посматривали на него: одни вопросительно, другие, настороженно, третьи сочувствующе, понимая, что в это учреждение если вызывают, то уж не для благотворительности. По хорошему делу, многие считали, что сюда люди не приходят. Но великий предприниматель осмелился прийти.

Все повторилось так же, как было и с другими посетителями, чего Остап уже насмотрелся. Заслонка окошка отодвинулась и посетитель, свято чтивший уголовный кодекс получил пропуск в виде картонки, размером в половину почтового конверта, и свои документы. Медлить Остап не стал и ринулся в другую дверь, к уже знакомому ему

дежурному с тремя треугольничками в малиновых петлицах. Тот внимательно проверил пропуск и документы, вернул с напутствием:

— Не забудьте, когда будете возвращаться, чтобы там, где вы будете, сделали в пропуске отметку.

— Ясно, товарищ, куда идти? — голосом не совсем обычным спросил Остап.

— Второй этаж, комната двадцать седьмая.

— Благодарю, товарищ, — и посетитель зашагал по лестнице, на второй этаж.

Отыскав нужную ему комнату, Бендер постучал для приличия и, не получив ответа, открыл дверь. Это была приемная начальника Крымского ГПУ. За столом у двери, оббитой черным дерматином, ведущей в кабинет самого начальника, сидел военный с двумя красными кубиками на малиновых петлицах и смотрел на вошедшего.

— Я к товарищу Яровому, вот мои документы и пропуск, — подал Остап их секретарю-адъютанту, как мысленно он его определил.

— Да, посидите немного, товарищ, — указал тот на стул у стены.

Остап присел и осмотрелся. Это была просторная комната с рядом стульев у ее стен. На столе секретаря-адъютанта поблескивали никелем

два телефона, лежала тетрадь, в которой хозяин приемной что-то записывал, а позади него висел портрет Дзержинского, на противоположной стене висел плакат с надписью: «Чекистом может быть только тот, у которого чистые руки, холодный ум и горячее сердце». Ничего другого в приемной больше не было.

Так прошло минут пять. Но вот раздался звонок и из кабинета вышел молодцеватый военный со шпалой в петлицах и с папкой бумаг в руке. Он взглянул на Бендера и вышел из приемной.

Секретарь-адъютант зашел в кабинет, и тут же вышел, говоря:

— Заходите, товарищ Бендер.

Остап решительно вошел в кабинет. Это было еще большее помещение с рядами стульев у стен, с ковровыми дорожками, и с большим письменным столом в виде буквы «Г», длинной ее часть к двери. За столом сидел севастиопольский знакомый Бендера Яровой, с двумя шпалами в малиновых петлицах, что говорило о его комиссарском звании. Большой портрет Ленина на стене позади начальника Крымского ГПУ и большой зеленый сейф в углу, дополняли, то, что охватил своим взором Бендер.

— Здравствуйте, товарищ Яровой, судьба вновь сводит нас, — улыбнулся и как можно спокойно произнес Остап. Хотя на душе у него

было не совсем радушно-приветливое настроение к гэпэушнику. Но его новая гениальная идея требовала этого визита.

— А-а, старый знакомый, в некотором роде, спаситель мой, — улыбнулся чекист и к удивлению Бендера вышел из-за стола и подал ему руку. — Здравствуйте, здравствуйте, Остап Ибрагимович. С чем пожаловали ко мне? Что-то хотите сообщить, или просьба какая? Присаживайтесь, — указал он на стул у стола, садясь напротив посетителя.

— Да вот... просьба у нас... Павел Антонович... — начал не совсем без колебаний Остап.

— Излагайте вашу просьбу, — потянулся Яровой к коробке папирос «Дюбек», чтобы закурить.

Теперь Бендер явственно увидел, что у него, как и у секретаря-адъютанта в петлицах помимо знаков, определяющих звание, были еще белые кружечки в виде мишени, с перекрещенными на них двумя винтовками.

— Курите, — протянул раскрытую коробку главный чекист Крыма Остапу.

— Благодарю, — взял папиросу Бендер и, прикурив, продолжил: — Павел Антонович, наша археология требует расходов для найма рабочих. А средств, как известно, нам отпускают совсем мало. Вот и крутись... — вздохнул Остап.

Начальник ГПУ при Крымском НКВД молчал и, глядя на посетителя, не перебивал и терпеливо ждал самой сути просьбы.

— Вот полюбуйтесь, дорогой Павел Антонович, какие мы желаем выпускать художественные открытки, не только эти, не только наших археологических раскопок, пейзажей, видов, архитектурных памятников, но, конечно, и грациозныхстроек наших пятилеток. Но мы — археологи, свято чтим советские законы, уважаемый Павел Антонович, — закончил великий родитель гениальной идеи.

— Так, так, значит, археология и открытки? — пыхнул папиросным дымом Яровой. — Ну, что ж, я не вижу здесь ничего предосудительного, товарищ Бендер. — Ничего такого, что могло бы вам помешать заняться этой побочной деятельностью. Так вы просите моей помощи, как я понимаю, Остап Ибрагимович?

— Да, уж... — замялся Бендер. — Помогите нам решить этот вопрос в Совнархозе, чтобы мы могли бы...

— Ну что ж, учитывая вашу помощь нашим органам... К тому же ваш вклад в мою безопасность, — ухмыльнулся Яровой, — я позволю в соответствующий отдел Совнархоза, в отдел, который занимается издательскими делами.

— Ой, спасибо, ой, спасибо,

глубокоуважаемый Павел Антонович, от всех наших археологов большая благодарность за помощь. Так можно надеяться? — встал Бендер.

— Да, идите в отдел Совнархоза и скажите от моего имени, они будут уже знать, оформят вам соответствующий документ.

Распрощался Бендер тепло с Яровым и вышел от него окрыленным. Когда отмечал пропуск в приемной, вновь увидел беленькие мишеньки с перекрещенными винтовками на петлицах секретаря-адъютанта и почему-то улыбнулся. Бросив прощальное «благодарю», Остап вышел из приемной и легко сбежал по лестнице. Вручил пропуск дежурному, а когда вышел облегченно задыхал своей богатырской грудью. И провозгласил вслух:

— Открыточная идея тронулась, господа гэпэушники! — и ускоренным шагом, переходящим в бег, устремился к ожидающим его компаньонам.

К вечеру технический директор, уже держал в руках бумагу, от Крымского Совнархоза, разрешающую ему получить патент на издание художественных открыток достопримечательностей Крымской АССР. А еще через день великий предприниматель подписывал договор на аренду одной из симферопольских типографий.

Деятельность его как предпринимателя, а теперь уже и великого печатника распространилась

не только в Крыму, но и в Харькове, Киеве, Днепропетровске и в том же, породнившемся ему и его компаньонам, Мариуполе. Все аренды нужных типографий, разрешений на печатание не только художественных открыток, но и открыток идейных изображающих стройки первой пятилетки. На них изображался величественный Днепрогэс, ряд металлургических комбинатов, фабрик, заводов и судоверфей с недостроенными еще кораблями. Были открытки, отражающие коньячно-винное производство в Крыму, а также парфюмерное производство из эфирномасличных культур лаванды, роз, шалфея. И, конечно, изображали знаменитые дворцы и музеи, скульптуры и другие архитектурные памятники Крыма. И открытки знаменитых киноактеров, киноактрис и кинокадров из популярных кинофильмов.

Открытки издавались миллионными тиражами и распространялись по киоскам торгующими газетами, журналами и другой периодической печатью. Снабжались ими и книжные магазины. И деньги от продажи за минусом налогов текли и текли ручейками на счета в трех банков великих печатников Остапа Бендера. Трех банков? Да, трех? Во избежание непредвиденных обстоятельств в каждом банке из трех счета были открыты на имя самого предводителя компании Остапа Бендера, Шуры

Балаганова и Адами Козлевича.

Принимая такое решение, Остап заявил:

— НЭП доживает свое время. И кто знает, как советы поступят с деньгами вкладчиков, верные мои сотоварищи-печатники.

Жили концессионеры не в одном городе, а попеременно в Крыму, Харькове, Мариуполе и в Киеве, где они собирались открыть все же свою контору ДОЛАРХ, получив предварительно обещанную индульгенцию начальника Киевского ОГПУ Шаврова.

Все шло хорошо и вдруг... Во время пребывания Остапа Бендера в Киеве, ему вручают повестку вызывающую его в ОГПУ. Повестку вручил ему все тот же дворник-сторож конторы Остапа Македон со словами:

— Она долго дожидается вас, хозяин.

Это сильно взволновало компаньонов. Но Остап, чтобы успокоить своих друзей, заставил себя улыбнуться и весело заявит:

— Не надо дергаться в догадках, детушки, не иначе гэпэушники хотят все же предложить мне службу у них или дать индульгенцию на работу нашего ДОЛАРХА. Помните, в Ялте он обещал разобраться, почему это мол, милиция интересуется нашей конторой.

— Нет, Остап Ибрагимович, неспроста этот вызов я понимаю, — встал и тут же сел, Козлевич,